

* * *

Предчувствуя расцвет растений,
земля — Малевича квадрат,
неслышно впитывает темень.
Свет — лучшая из всех наград,
для переживших зиму. Впрочем,
жаль плодородной темноты:
там, где утра под плёнкой ночи,
и мною прирастаешь Ты.

* * *

Хоть морщится река от ветра,
Пронизан светом день насквозь,
И солнце в облаке из фетра,
Бредёт по небу на авось.

Как беззаботна жизнь в июне,
Где твердь тепла как водоём,
Где мы, минуя невод улиц,
Плывём по времени вдвоём.

Пусть не к истоку, а к исходу,
Но отражён рекой покой,
Тот, что ниспослан с небосвода,
Сюда невидимой рукой.

* * *

Года друг друга вовсе не сменяют —
Они всегда спешат и в этот миг,
Похожи на людей, что всех сминая,
В автобус забираются в час пик.

А мы по-прежнему ждём лет лояльных,
Спокойных и свободных от невзгод;
Но успеваает тот, кто понахальней,
И, значит, старым будет новый год.

Он вновь нетерпеливо-нетерпимый,
С ним в мире всё не в лад и не попад:
В сочельник тает Русская равнина,
И мёрзнет Ниагарский водопад.

На солнце взрывы, лунные затмения,
Междоусобица скликает рать;
И время есть разбрасывать камни,
И нету времени их собирать.

Новый Год

Декабрь, предновогодний снег кроша,
Им насыщает как небесной манной;
Пир праздничный всегда нам по карману:
Ведь жизнь так безнадежно хороша!

Не грех, что за душою ни гроша,
а был алтын. Уже пора в дорогу;
Уют для нас подобие острога,
Лишь волю уважают кореша.

Над прожитым неправый суд верша,
Себя погрузим в старую телегу,
Чтоб в предвкушеньи пищи и ночлега,
Ждать чуда щучьего, хлебнув «ерша».

Масленица

Февраль. Морозно. Но весенний тренд,
Снижает риски не дожить до лета;
Весна на солнце заменила ТЭН,
Теперь нам хватит и тепла и света.

Как прежде, юной масленицы жар,
Растапливает облаков сугробы,
И больше нет нужды у горожан,
Свои сердца тоской и скукой гробить.

Мы полетим через огонь и дым,
Где зиму жгут, где ярмарочный гомон;
Ты — молода, я стану молодым,
Чтоб клином свет и блин, конечно, комом!

Троицын день

Гроза закончилась. Опять
весенний воздух пьётся залпом;
И ощущаешь благодать,
с небес сошедшую внезапно.

Венок оденешь, чтобы в ночь,
пойти к реке со мною рядом;
И разбегутся в страхе прочь,
от нас все местные наяды.

Там будем вместе ворожить,
согласно праздничным заветам;
Пусть молния, уснув во ржи,
рождает плодородье лета.

Венок, сплетённый на семик,
ты спустишь на воду с ладоней.
Я загадаю в этот миг —
и он, конечно, не утонет.

* * *

Быть может в Рай закрыты двери,
Для нас, не признающих стыд,
Но, всё же, в покаянье веря,
Надеемся, что Бог простит.

Что приголубит и утешит,
Поймёт наш непокорный нрав,
И скажет: »С теми я, кто грешен,
Они важнее тех, кто прав».

И мы все станем на колени,
Чтоб получить в который раз,
Прощение за поклоненье,
За лепет вызубренных фраз.

Чтоб после, утром, с чистым сердцем,
Себя обрушить в срам и блуд;
И ждать с усердьем страсготерпца,
Когда наступит Страшный суд.

* * *

Где Карфаген? Где Вавилон?
Спит Троя в ведомстве Аида;
Уж не клубится за селом,
Пыль от тумена чингизида.

Под солнцем прожитых веков,
Былые выгорают страхи;
Ведь мир по-прежнему таков:
В нём время самый лучший знахарь.

Но от ниспосланных тревог,
Живущие неизлечимы;
Боящихся лишь видит Бог,
Мы в беспокойствах различимы.

Нам, в навалившейся тиши,
Дышать не вечным, но минутным...
На побережье Трои штиль,
На месте Карфагена утро.

Моцарт — Сальери

Ему не трудно быть разнообразным:
Сейчас молчун, а после — острослов;
Пусть говорят, что он гуляка праздный,
Но вдохновению не чуждо ремесло.

Есть в бочке меда дёготь в малой мере,
В брожении винном — уксусный исход:
Так в каждом гении живет Сальери,
Как опухоль растёт из года в год.

Любовь толпы и благосклонность власти,
Порою заглушают голос муз;
К тому ж долги, семейные напасти,
С гармонией не укрепляют уз.

Так, может, лучше, в дружество поверя,
Вино испив, прервать течение дней;
Чтобы не жить стареющим Сальери,
А умереть как юный Амадей.

К последнему морю

Набитый стрелами колчан,
Узда, пропитанная потом,
Нас вновь тревожат по ночам,
Ордынских всадников заботы.

Мы измельчаем время в пыль,
Пространство превращаем в пепел,
Коней разгорячая пыль,
Народы повергаем в трепет.

Нет, не покой и не уют,
В душе живёт иная небыль;
И не исчислить наших юрт,
Как звёзд не сосчитать на небе.

Пускай пределов не найти,
Но до морей домчатся внуки;
Чтоб умерли в конце пути,
Последний хан, последний нукер.

* * *

Пришвартовав к причалам корабли,
И позабыв тревожные пассаты,
Мы к Господу воззвали из глубин,
Чтоб дал нам негу и блаженство сада.

Но флибустьерам трудно на земле -
мель не становится милей и баста!
Живем как в штиль — от скуки разомлев,
перебирая в рундуках пиастры.

Давно запущен сад и лада нет,
Халва, как слово, не рождает сладость;
Осталась сила тяжести монет,
способная весомой сделать слабость.

* * *

Снег искренен и Рождество
таинственное действо —
Спасителем быть может тот,
кто сохраняем девством.

Ведь не от злости и вражды
века сменяет эра:
всё новое не от нужды,
а только лишь от веры.

Не в храм, где Ироду хвалы,
и ветхость ликованья;
К его яслям несут волхвы,
блаженство узнаванья.

Пушкой кругом чернеет грех,
хоть сыплет снег бессрочно;
Но в мир приходит человек,
зачатый непорочно.

Мария

Пусты ещё ясли,
предчувствие смутно;
И миру не ясно,
что сбудется утром.

Ночей долгосрочных,
пространство бесснежно;
Но сына шлёт Отче,
внимая надеждам.

Во имя спасенья
от ярости ада;
Во имя весенней
Пасхальной награды.

Пусть пленником тлена
останется Ирод;
Звезда Вифлеема
в ладонях Марии.

Мессия

Звезду на небе не искать,
Не помнить таинства пророчеств,
То лодку мастерить, то кадь,
Не мысля дом покинуть отчий.

Чтоб оградить себя от бед,
Жить в Назарете — не в столице,
И не общаться тридцать лет,
С золотом, мытарем, блудницей.

Не знать, когда назначен срок,
Не мыслить о судьбе мессии;
А просто ждать пока в нём Бог,
спит, утомившись от всесилья.

Тени

Коль небо пасмурно, то наши тени,
как не прискорбно, остаются в нас;
Они совсем не видимы для глаз,
но, всё-таки, усиливают темень
внутри. Когда же хлынет свет,
тогда подобием змеиной шкуры,
под ноги ляжет чёрная фигура;
И мы увидим страха силуэт.

Лето 41-го

Млечный путь осыпался пыльюю
С тёмного бутона небосвода,
Над прифронтовую полосою
Утренний озноб прошёл по водам.

Звёзды в путь готовы на рассвете,
И бойцам пора уже в дорогу;
Их неспящих душ коснулся ветер,
Мрак ночной растаял понемногу.

Души, опылённые войною,
Им стоять недолго в карауле:
Утром, до полуденного зноя.
Звёзды их возьмут в небесный улей.

Лже

Вчера ещё монах — Отрепьев,
Сегодня царственным перстом
Грозит. Смотрите, как отребье
Своих сажает на престол.

Не слишком беспокойтесь, Минин!
Ведь на войне как на войне;
С себя последнее мы снимем.
Чтобы с другого снять вдвойне.

На панство нас венчает пьянство.
«На трон того, кто в шалаше!»
И звонким звоном самозванство
Звенит у каждого в душе.

Казак иль царь он — что нам имя?!
Мы на меже и в кураже;
Нам любо биться со своими.
«За правду в бой веди нас, Лже!»

Пейзаж

Каков ландшафтный фон — такие мысли!
Здесь можно жить, лишь плача иль смеясь.
Весна идёт, как баба с коромыслом,
Где снег в одном ведре, в другом же — грязь.

У нас, увы, неравный брак с природой,
И от неё мы милостей не ждём:
То грязь высушиваем в пыль полгода,
А то разводим оную с дождём.

Круговорот родного чернозёма
Порой важнее всех иных наук, -
Ведь ты всегда узнаешь, кто твой зёма,
По пылиню обуви и брюк.

Как выбраться из грязного корыта,
С цивилизацией наладить связь?
Ведь все вокзалы, как назло, закрыты.
Не принимают. Не подъедешь. Грязь.

* * *

Немецкий слог, голландский стиль,
И былъ болот, и парков небыль;
Здесь шилом протестантский шпиль
Вонзился в мешковину неба.

Здесь море — West, а суша — Ost;
Здесь Русь с Россией в вечном споре.
Путь душ иссушенных непрост:
Изведать искушение морем.

Даны за буйство и труды
Нам — вольнолюбцам и холопам:
Москва — племянница Орды,
И Он — внебрачный сын Европы.

Мосты

Сырого воздуха глоток
Быстрее гонит кровь по венам;
Касанье рук, Невы поток —
Таинственны и сокровенны.

Но что себе не напророчь,
У каждого есть роль на сцене;
Вновь лето побеждает ночь,
Расслаивая тьму на тени.

И разведённые мосты,
Не выдержав часов разлуки,
Сомкнут чугунные персты,
Как мы смыкаем наши руки.

Поэт

Покуда ночь Санкт-Петербургом правит,
О горестной земле опять забудет Блок;
Ведь женское лицо в простой оправе
Сияет так, как будто это Бог!

Любимцу муз не суждено покоя.
Его удел мучительный таков, -
Весь этот мир, что так неладно скроен,
Сшивать скупыми строчками стихов.

Но рвётся нить и далеко «до света»,
И не хватает времени, хоть плачь.
Жена, судьба и молодость поэта
Уходят, обернувшись в синий плащ.

Пиита званье — страстное и злое;
Нельзя служить без боли красоте.
Сегодня он стоит у аналоя,
А завтра его место на кресте.

Версаль

Поймите смысл универсалий —
Гармоний, созданных Творцом:
Сначала нужно быть Версалем,
Чтобы назвать себя дворцом.

Не говорите: «Артефакты»
И «человеческий прогресс».
Здесь слово божье стало фактом
И снизошло на нас с небес.

Они вне нашей перебранки
Глаголют, таинство творя,
Упавшие на землю гранки
Божественного словаря.

* * *

Опять поскрипывает снег,
Как в старом доме половицы;
Рождественские небылицы
Вновь превращают слёзы в смех.

Вновь с Богом заключён завет,
И час добра столь неизбежен.
Сколь убедителен и нежен
Сошедший с неба снежный свет.

И нам до ночи Рождества
Всего два сна, всего две притчи,
Чтоб в снеговом многоязычье
Расслышать голос божества.

Чтоб в Новый Год, как в новый храм,
Войти и тихо помолиться
За боль, за быль и небылицы,
За исцеление от ран.

За дом, где все спокойно спят.
Хоть вьюгам ещё долго виться;
За то, что в доме половицы,
Как встарь, божественно скрипят!

* * *

Ни пастухов в пещере, ни волхвов,
И небеса покрыты пеленою.
Здесь плотника семья, подобно Ною,
Свой обрела ковчег: покой и кров.

Подальше от жрецов, царей и слуг,
Идущих, кто с дарами, кто с мечами.
Жизнь — таинство (особенно вначале).
Здесь властвует не зрение, но слух.

Пусть спит малыш, не ведая тревог,
Не прозревая будущих событий.
Мария с ним, а как иначе быть ей -
Лишь для неё младенец этот — Бог.

Пасха

Как вновь услышать радостную весть
И посредине месяца нисана
Поверить, что важнее сана
Смиренье, милосердие и честь.

Пускай пророков не пускают в дом
И «уши» прокуратора повсюду,
Попробуй задушить в себе Иуду,
Коль делишь трапезу с самим Христом.

Сегодня и сейчас, а не потом,
Попробуй оторваться от оравы,
Оружей за спасение Вараввы,
Идя не за крестом, а под крестом.

Забудь гордыню и отвергни лесть,
Прости, что люди так беззлобно люты.
И, может быть, тогда воскресным утром
Услышат о тебе благовую весть.

* * *

Когда страданье Бог познал,
Всем завещал, что ближе к раю
Те, кто убоги, те, кто с краю;
И их к себе на пир призвал.

Он ради них пришёл сюда,
Лишённых зрения и слуха,
Несчастных, сырых, нищих духом.
Лишь им в час Страшного суда

Христос спасенье обещал
И подарил своё им царство.
А мы другие — чья мы паства?
Те, кто ещё не обнищал?

Те, кто, упав, подняться смог?
Откуда в нас и страсть, и силы?
Кто близок нам, кому мы милы?
Где наш Эдем и кто наш Бог?!

* * *

Невольно в ноябре припомнишь Ноя,
Отстраивая в зиму свой ковчег;
Чтоб плыть потом, не жалуясь, не ноя,
Сквозь города, ушедшие под снег.

По бурунам январского бурана
Я буду лодку править на апрель,
Чтобы, от сна воспряв, однажды рано,
Завидев сушу, слушать птичью трель.

Чтобы, простившись с прошлыми грехами.
Ступить на землю, словно в первый раз;
И ощущать, как нашими руками
Господь предвечно сотворяет нас.

* * *

Мы начинали свой простой рассказ,
Не претендуя на объём романа;
Но будущее так непостоянно -
Мы пишем продолженье каждый час.

Опять на взлёт, опять светает рано,
И небеса в облатке облаков;
Я твой так искренне, что даже странно:
Но мне от этого не трудно, а легко.

Мгновение не ведает обмана.
И, пролетая над землёй рябой,
Я счастлив продолжением романа,
Что я пишу в соавторстве с тобой!

* * *

Не будем искоса смотреть
На жизнь; дано соприкоснуться
Нам с ней и поутру проснуться;
И в это раз не умереть.

Вновь ветра свежего поток
И обжигающее тело;
Пусть чёрный траурный платок
Пока лежит в шкафу без дела.

Пока не подступает мгла,
Ещё звучать возможно тостам;
И отражают зеркала
Всех тех, кто к нам приходит в гости.

И пусть потом, но не теперь
Мне в небо плыть под парусами;
Твоё последнее касанье.
С утра незапертая дверь...

Слова

Пока свободою горим...

А.С. Пушкин

Когда свободой сожжены,
Став пеплом, мы удобрим землю;
Взойдут ростками тишины,
Слова, что люди не приемлют.

Слова для тех, кто ныне глух,
Не различает звуков знания;
Они — для потерявших слух,
Но, сохранивших осязание.

Когда народ упавши ниц,
Закончит в скорби путь свой крестный;
Они коснутся чьих-то лиц,
Дав этим чадам шанс воскреснуть.

* * *

Поэт вполуха слушает века,
вполголоса общаясь с настоящим;
Чтобы прозренье, зревшее в стихах,
глаголом вещим к нам пришло и вящим.

Он радость иррадирует вовне,
ему дано запечатлеть печали;
Он как Адам мог получить вполне,
то Слово, что явилось изначально.

Его судьба — бессмертье потерять,
чтобы на путь греха вступая первым,
Приобрести познания благодать
непослушанием во имя Евы.

Офелия

Быть может Дания острог,
И королева вероломна,
В глазах у Клавдия порок,
Старик Полоний врёт обломно,

Все виноваты. Миражи
мощней чем явь взыскуют к мщенью;
Где слабость силу сторожит,
там нет пощады и прощенья.

Там из-за яда льётся кровь,
а кровь переполняют ядом;
И лишь Офелии любовь,
Сияет благодистой лампадой.

Пусть утонул венок в реке,
но высоко в раю весеннем,
Она для всех, кто твёрд в грехе,
сумеет вымолить спасенье.

Сиеста

Разъедает солёная влага,
нежных устриц предутренний сон:
обаянье культурного лага —
Коста-Брава. Высокий сезон.

Здесь часы, быстро тая на солнце,
свисли с веток по воле Дали;
А Полярная — опытный лоцман,
страсть к скитаньям морским утолит.

Луч светила, упавший отвесно,
сконструировал праздничный храм,
Где небесно звучащая месса,
отсекает полуденный гам.

Жизнь у моря не может быть пресной;
Потому— то порою ночной,
а не днём, жду свою я сиесту,
что несёт на губах соль и зной.

Литва

Здесь время солнцем прячется в листву,
Не покоряя и не укоряя;
Оно с востока опалив Литву,
Теперь ласкает с западного края.

К чему с историей вести нелепый торг,
Ведь истина проста и безыскусна;
Здесь жив ещё языческий восторг,
От позднего прихода Иисуса.

Двадцатый век старался, но не стёр,
Былых триумфов гордое величье;
Но, всё ж, костёл, взметнувшись как костёр,
На ратный пир бойцов уже не скличет.

Край, из степей уйдя, к воде приник,
Морской простор преобразуя в воду;
И глаз к закату более привык,
Хотя порой скучает по восходу.

* * *

Добежать до октября,
Додышать, докуролесить;
В очаге зари не зря,
Сжечь записки злых прелестниц,
Сдуть с деревьев листьев треть,
Застелив тебе пространство,
Замерев не постареть,
Когда ты мне скажешь:
«Здравствуй!»

* * *

Ноябрь безнадёжен,
декабрь утрюм;
Друг другу поможем
задраивать трюм.

Не в рюмки — в стаканы:
«Даёшь Новый Год!»,
За то, чтоб не кануть,
нарушив черёд.

За то, чтоб в кануны
распада судеб,
С беспечностью юной
разламывать хлеб.

Чтоб нам безупречно
сияла звезда;
Хоть мы не навечно —
вдвоём навсегда!

* * *

Город снегом перегружен
на экваторе зимы;
знать в апреле будут лужи,
будем прыгать неуклюже,
кто с сумой, кто без сумы.
Солнце — всем любезный трутень,
спит, зарывшись в облака;
где-то жизнь на перепутье,
только мы с тобой по сути,
не «пока», а «на века».
Друг за другом по канату
(по экватору зимы),
переходим через даты,
не взирая на утраты,
потому что влюблены!

* * *

Стремишься в зиму и мороз,
где есть простор переживаньям;
Приоткрывает путь к нирване,
природы полный сколиоз.

Когда захватывает тишь —
в пространстве времени ты пленник;
И вновь на образа глядишь,
чтобы остаться на коленях.

* * *

Пусть остракизм — черта зимы:
Тепло отправлено в изгнание;
И рефлексивное сознание,
Не защищает от сумы.

Путь загодя не загадав,
Простив поверженных кумиров;
Идём не по миру по миру,
Переосмысливая даль.

Нас ждут в неведомом порту,
Который всех скитальцев манит;
А опустевшие карманы,
Все ж лучше, чем обол во рту.

* * *

Ветер меняет движение снов —
Снова Морфей устремляется к морю,
Шёпот меняет значение слов,
Шёпот не крик — потому с ним не спорим.

Явь создавая из букв и ветров,
Бурю смирять мы умеем до бриза;
Над побережьем небесный покров,
Сном защищает внезапную близость.

Солнце запрятано в Млечный рукав,
Воздух с водой переходят на шёпот;
Можно ли грёзы дарить, не украв
у моря Чёрного лунные тропы?

Мы изменяем значение снов,
Вектор движенья воздушных потоков;
Не постигая рождения слов,
Прячется в облаке лунное око.

* * *

Алькова нет, но есть кровать.
Смывает ливень ночь. И ветры
уносят страсть перед рассветом.
Давай же будем поживать.

Морфей дарует благодать,
Чтобы закрыть в душе прорехи;
Во сне грехов нет — есть огрехи,
И риск судьбу предугадать.

Давай надеяться на дождь,
восход и грёзы без угрозы,
грядущие метаморфозы,
от коих не бросает в дрожь.

Давай поверим в поздний сон,
не изнуряясь толкованьем;
А гром с небесной наковальни,
пришлёт нам грозовой озон.

* * *

Так трудно спать на иглах звёзд колючих,
Хоть укрывает шёлковая тишь;
Что мне вселенское благополучье,
Когда Ты третью ночь подряд не спишь!

Я разрываю ткань остывшей ночи,
Ссылая иглы в солнечный восход:
Там облака на небе столь непрочны,
И дня ещё не предreshён исход.

И, может быть, мне выпадет удача:
Коль звёзды не успею прополоть,
Я под брезентом туч шипы их спрячу,
Чтоб не смогли твою поранить плоть.

* * *

Слабеет зренье, но острее слух,
Ведь голос твой всегда со мною рядом;
Когда б не он, уже я был бы глух;
Но голос есть — и тишины не надо.

Нам за добро порою платят злом;
Бывает так. Есть времена разлада;
Вдвоём науку жизни мы грызём,
А мягкого — его зубам не надо.

Нас суета соблазнами маня,
Торопит отыскать чужие клады;
Но знаю я — ты позовёшь меня,
И большего мне от судьбы не надо.

Декабрь

Ну, как тебе живётся в декабре,
где тишина сгущается до снега,
и нет желанья спорить о добре —
всё знает Тот, кто «альфа и омега».

Ну, как тебе живётся в тишине,
когда декабрь сгущается до мрака,
и Млечный путь — небесное кашне,
не защитит от холода и страха.

Ну, кто тебя осудит, укорит?
Случилось так, что ты чуть-чуть устала;
Хотя взглядишь: галактика искрит
в пределах только нашего квартала.

Декабрь — перемогу, перемолчу,
и на меня ты не посмотришь вчуже;
ведь из глубин небес я получу
луну в коллекцию твоих жемчужин.

* * *

Ты приходишь, мне зиму дая,
как искусства немую фактуру:
ледяное литьё декабря
и январского леса гравюру,
чтоб остаться «сейчас» и «потом»,
как желанный шедевр Эрмитажа,
как из классика избранный том,
никогда не бывавший в продаже.

Словно клавиши с магией нот,
не звучащих, но к звуку готовых —
ты несёшь неопознанный код,
открывающий счастья основы...

Вновь постель ненароком сомнём,
и забудем с какого мы года,
ибо ты неразлучно со мной,
как искусство, судьба и природа.

* * *

Уже зима идёт на коду:
не время года — времена,
улав, готовятся к исходу,
а ночь бормочет имена,
не поминая всеу Бога —
ведь в эпилоге и в канун,
на самом деле, просьб немного,
коль жизнь земная на кону.

Мы веруем: Господь всемолен,
и каждого спасти готов.
Но Он как житель Палестины,
не любит русских холодов.

* * *

Растут пространства страху вопреки,
одолевая ночь и козни мрака;
А облаков холщовая рубаха,
уносится течением реки.

Ещё тепло и радость суждены,
неважно то, что дни идут на убыль;
У темноты доверчивые губы —
они зовутся именем жены.

Из всех пространств всего просторней
там,
где мы вдвоём, и сердцу в утешенье,
дана награда нам за прегрешенья —
во тьме уста, прильнувшие к устам.

* * *

Со страхом погружаюсь в осень,
В её прозрачную купель;
А яблоки всё бьются оземь,
Распугивая голубей.

Здесь Бог молчит. Познания древо,
Как прежде, щедро на плоды;
Лукаво вопрошает Ева,
А, значит, близко до беды.

Как мне постичь своё призванье?
Господь к молитве воззови!
Ты знаешь — дерево познания,
Ничто пред деревом любви.

* * *

Спасибо за весну!
Отчалило отчаянье,
Я солнечного чая
В бокал тебе плесну.

Спасибо за апрель!
Оттаивают дали,
Капели отрыдали,
И ветер подобрел.

Спасибо, что нет вьюг,
А теплота внезапна,
И сразу непонятно,
То, что приходит вдруг.

* * *

Молчаньем штиля, ропотом ветров,
Уходит век, мне оставляя эхо;
А в облаках внезапная прореха,
Напоминает про небесный кров.

Пытаюсь сделать всё, что суждено,
На собственные страхи не взирая,
Ведь, коли не даны ключи от рая,
Замки от ада смастерить дано.

Обетованье Господа храня,
Стихи я возвращаю точно жито;
И пращур мой — блаженный небожитель,
Без укоризны смотрит на меня.

* * *

Опять пришёл опрятный дождь —
промоутер промытых улиц,
бубня под нос одно и то ж,
чтоб позже, радугой сутулясь,
уйти из города, где хлам,
товары мокрые и тары,
оставив нам на тротуарах,
жидко-кристальный блеск реклам.

* * *

Таится дьявол в мелочах —
Бог не нуждается в деталях;
Угрюмо ангелы молчат,
о том как мы грехи зачали,
о том как породили ложь,
и выкормили преступленье,
оттачивая остро нож,
клялись фальшиво на коленях.

Из-за каких пустых кручин,
мы впали в грех неважно Богу;
Причины дьяволу вручив,
Он воздаёт нам по итогу.

* * *

Да! Мир становится другим,
Но не отменишь многоточий;
Пуускай не нам слагают гимн
Цикады черноморской ночью.

Мы продолжаемся во всём —
Раскрыты пыльные портьеры;
Внимает звёздам окоём,
Вбирая свет как символ веры.

Есть избавленье от скорбей;
Ведь звёздный луч летит оттуда,
Где мы на крошечной корме,
Застыли в ожиданье чуда.

* * *

Пусты аллеи, в галереях мрак,
Века устав, цепляются за зданья,
И с жизнью незаполненный контракт,
Нам суждено подписывать заранее.

Что может стать наградой за риск,
Что мы сумеем вымолить у Бога,
Коль небеса не принимают иск,
За вписанные боль, тоску, тревогу.

Но зная о неравенстве сторон,
Он утешает сокрушённых сердцем;
Любовью одаряя за урон,
И, оставляя шанс познать бессмертье.

* * *

А если горизонт предел,
где наслажденье слито с болью?
Там лес осенний поредел,
там инеем прошито поле.

И в мире существуем мы,
уже не сообщая, а розно;
А подступающей зимы,
претензии вполне серьёзны.

Взглянуть за горизонт тоски,
подняться бы над днём вчерашним;
Но вновь смешал Бог языки,
как в эру Вавилонской башни.

И не постичь судьбы основ,
но жизнь — она не столь печальна,
когда на место хладных слов,
приходит теплота молчанья.

* * *

Не взирая на скорбь бытия,
К Иисусу спешили калеки,
Веря, что Он спаситель и лекарь,
Но не веря, что Он судия.

Веря — в силах Господь исцелить,
Бед коросту и нищенства немощь;
И откроют уста те, кто немые,
И слепцы смогут свет оценить.

Но Творец — не в земных чудесах.
Посылая сюда испытанья,
Он хранит упование тайно:
Покаянье сильнее чем страх.

Коль из праха возник человек,
Он в ладонях у Бога крошится;
Всё не здесь, а на небе решится,
Где нет мёртвых, больных и калек.

* * *

Все пути мои известны Тебе.

Псалтирь, 138

Ты отмерил мне путь и ночлег —
значит вновь собираться в дорогу;
Боже, вышли мне трепетный снег,
застилающий страх и тревогу.

Ты исследовал каждый мой шаг,
и я ведаю — рано иль поздно,
В горний храм вознесётся душа,
где от жара молитв тают звёзды.

Перед Богом, виною томим,
совершу покаянье прилюдно;
И пойму: я Твой истинный сын,
потому что греховный и блудный.